

дѣлъ. Нужно ли говорить, что подъ плащомъ этого испанца, какъ раньше подъ сутаной парижскаго аббата, скрывался все тотъ же Бомарше!

Проектъ потерпѣлъ неудачу въ „совѣтѣ по индійскимъ дѣламъ“, но на смѣну уже готово пять, десять другихъ, и по мѣстнымъ, и по колоніальнымъ вопросамъ, по доставкѣ припасовъ на Майорку, по подрядамъ на армію, по колонизаціи Сьерры Морены. Втайнѣ Бомарше надѣялся достигнуть еще большаго,—заручиться для французскаго правительства неограниченнымъ вліяніемъ на испанскую политику, стать необходимымъ лицомъ для герцога Шуазеля и потомъ продвинуться въ Парижѣ, или же, оставаясь въ Мадридѣ, направлять черезъ подручныхъ всѣ дѣла въ Испаніи. И какихъ подручныхъ! Въ найденномъ теперь тайномъ мемуарѣ, составленномъ для герцога, онъ спокойно говоритъ объ устройствѣ стачки, которая овладѣла бы ограниченнымъ и вѣчно унылымъ королемъ; первое лицо въ ней—всесильный камердинеръ, второе—красавица маркиза Де-ла-Круа, какъ можно догадываться, очень близкая къ Бомарше; изъ этой искусной кокетки онъ готовъ былъ сдѣлать приманку для Карла, подѣлиться съ нимъ своею удачей въ любви...

Но все это вышло слишкомъ тонко и коварно; не попалось въ ловушку ни мадридское министерство, ни Шуазель; страна, которую Бомарше не переставалъ честить отсталюю и невѣжественною, порицая подкупность и безнравственность (что не мѣшало ему именно на этихъ порокахъ основывать часть своего успѣха), устояла противъ усиленнаго натиска,—правда, для того, чтобы отдать дѣло въ руки мѣстныхъ монополистовъ, которые, должно быть, еще ближе знали изнанку отношеній. Волшебныя видѣнія, носившіяся передъ мечтателемъ, опять разлетѣлись; пришлось покинуть Испанію. Но онъ никогда не позволялъ себѣ надолго падать духомъ. Какъ Фигаро („Сев. Цирюльникъ“, I актъ, сц. 3), онъ спѣшилъ разсмѣяться, боясь заплакать. Да и впечатлѣнія, вынесенныя изъ испанскаго житія, не все же были мрачнаго свойства. Бомарше все-таки одно время былъ героемъ дня; передъ нимъ открылись даже знатные салоны; онъ былъ частымъ посѣтителемъ русскаго посольства, гдѣ у Бутурлина шла всегда большая игра; посолъ и его жена чуть не носили его на рукахъ, къ соблазну остальныхъ дипломатовъ¹⁾; молодая Бутурлина писала въ честь его французскіе стихи,—вмѣстѣ съ нимъ,

¹⁾ Письмо къ сестрѣ, 11 февр. 1765; Loménie, „Beaum. et son Temps“, 1873, I, 145—49.